

СТО ЖИЗНЕЙ Николая Крючкова

4
НОВ
1978

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
Г. МОСКВА

Прожилой, седоволосый человек идет по бульвару. Гуляет, отдыхает после трудового дня. Видит — на земле парень лежит, прямо на траве. Подошел, спросил, что, мол, случилось. Оказывается, обыкновенная история: приехал в Москву учиться, а мест в гостинице нет.

Откуда приехал, спрашивает. Из Грузии? Жить, говоришь, негде? Ну, ладно, пошли! И привел парня к себе домой — живи, а там видно будет. Одиноким, немолодой человек, ни жены, ни детей. И парнишка вроде сына ему стал. В институт не попал, «отец» его работать устроил. Действительно отцом ему стал...

Это сюжет нового фильма «Мой друг дядя Ваня», в котором народный артист СССР Николай Афанасьевич Крючков сыграл свою сотую роль — этого самого отца, Ивана Сергеевича Балашова, дядю Ваню. Это сегодня. А тридцать с лишним лет назад...

«Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой!». Слышишь эту песню, и в памяти возникает белозубая открытая улыбка, на пол-экрана растянутый баян — Клим Ярko из «Трактористов». А потом вспоминаешь дальше — «первый парень на деревне» Кузьма («Свинарка и пастух»), Сергей Луконин («Парень из нашего города») и многие-многие другие экранные образы Н. А. Крючкова. Сто ролей, сто жизней, сто разных человеческих судеб.

— А началось все с «Окраины», «Сеньки-сапожника», со встречи с замечательным кинорежиссером Борисом Барнетом. — Николай Афанасьевич качает головой, улыбается. — Нет, если уж быть совсем точным, то еще раньше. Была «Трехгорка», была школа при ФЗУ, профессия гравера-накатчика — придумывал рисунки для тканей. И была мечта, отчаянная мальчишеская мечта — кино! Когда взалхел, до головокружения смотрел все подряд, страшно завидовал героям тех, уже полузабытых фильмов — хотелось самому так же бегать, прыгать, скакать на лошади. Начал заниматься спортом, верховой ездой. Потом был драмкружок на «Трехгорке», ТРАМ — театр рабочей молоде-

жи. И все это время не переставал думать о кино.

Мы с Николаем Афанасьевичем в Театре-студии киноактера. Времени мало — через полчаса у Крючкова партсобрание, потом выступление. Дни расписаны по минутам — поездки, концерты, встречи, новые роли, новые сценарии, которые обязательно надо прочесть...

— ТРАМ был настоящей школой для нас, молодых актеров. Иногда сейчас вспоминаю, просто диву даюсь — и как это мы только все успевали делать: учиться, работать, играть, да еще сами декорации рисовали, вообще все сами делали, до последнего гвоздя! С нами занимались такие мастера, как В. Э. Мейерхольд, в театре работали И. О. Дунаевский, художник Е. А. Кибрик. Настоящая школа!

А потом была «Окраина», Сенька-сапожник — первая роль в кино. С нее все и пошло.

— В молодости в основном играл характерные роли, шел от внешнего к внутреннему, использовал внешние данные и, по сути дела, только на этой основе строил роль. А с возрастом появились роли с драматической, трагической окраской, как в «Суде», в «Жестокости». Эти работы как бы составили другую половину моего актерского «я».

— Николай Афанасьевич, сто ролей, просто не верится!

— Больше ста, — улыбается. — Сто — это уже мой актерский счет. Это — любимые. Это сто моих друзей. Когда работаешь над образом, ходишь, спишь, ешь, а в голове все одна мысль — так проникаешься этим человеком, ну словно бы пропускаешь его через свою душу, свою плоть и кровь. И так бывает жалко расставаться с ним, будто что-то очень родное от себя отрываешь.

Для него главное в жизни — это его труд, его работа. Да собственно, это и есть его жизнь. А когда он говорит о других людях, о тех, кого он играет, в его голосе звучит уважение человека, знающего, что такое труд, к рабочему человеку. Актер все всегда делает сам — сам встал на «По-2», сам пахал, сам осваивал «тридцатьчет-

верку», чтобы не просто изображать летчика, тракториста, танкиста, а быть ими. Передать на экране не только внешность, манеры, но и показать человека изнутри.

— Ну конечно! Понять, почувствовать, чем живет, о чем думает, и самое главное — как думает тот, кого я играю.

— Николай Афанасьевич, расскажите, пожалуйста, о своей последней работе.

— Я очень полюбил своего героя. Мне хотелось просто, без вранья, рассказать о нем, одном из тех, с кем мы встречаемся каждый день, ездим вместе в метро на работу, сталкиваемся на улице, в магазине... Живет такой человек, и сам не знает, какой он хороший...

Крючков словно бы предупреждает вопрос:

— Нет, не люблю «голубых», приглаженных, поучающих героев! Никогда не любил! Самое главное, чтобы был интересный, незаурядный человек, про себя я таких называю «взбудораженный», неуспокоенный, неравнодушный, что ли. Сейчас играю пожилых людей, наставников. И хотелось бы встретиться с таким характером еще. Хочу, чтобы это был беспокойный, неуемный старый человек с молодым сердцем. Есть у меня заветная мечта: сыграть Клима Ярko сегодняшнего — каким он стал в наши дни. Или Сергея Луконина, или Андрея Сазонова из «Комсомольска». Так много хочется сказать от их имени — и от своего тоже — нашим молодым ребятам и девчатам. Без дидактики, ненавязчиво учить их самих думать, что хорошо, что плохо, учить добру, честности, справедливости. Есть у меня любимые строчки: «Сей доброту, живи, любя другого...» Это, если хотите, мой девиз, моя программа действия.

— Сто ролей, Николай Афанасьевич, а что дальше?

— Работа, работа и еще раз работа! Я ведь ужасно жадный! До своих ролей, до своего труда. Пока ноги ходят, пока сердце бьется, пока буду чувствовать: что-то не сделано, что-то не сказано... Только так!

О. ВИЛЬ.